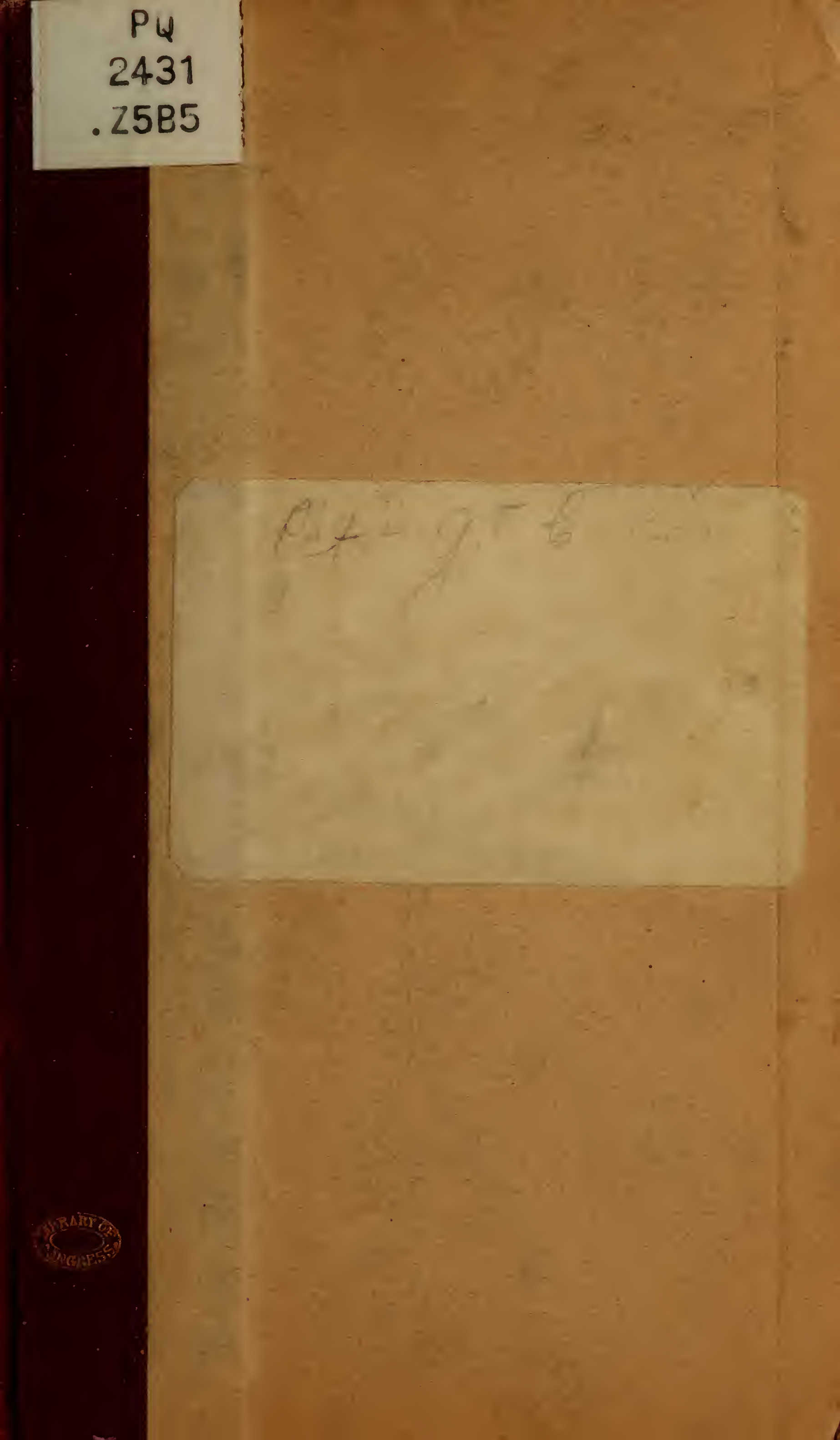
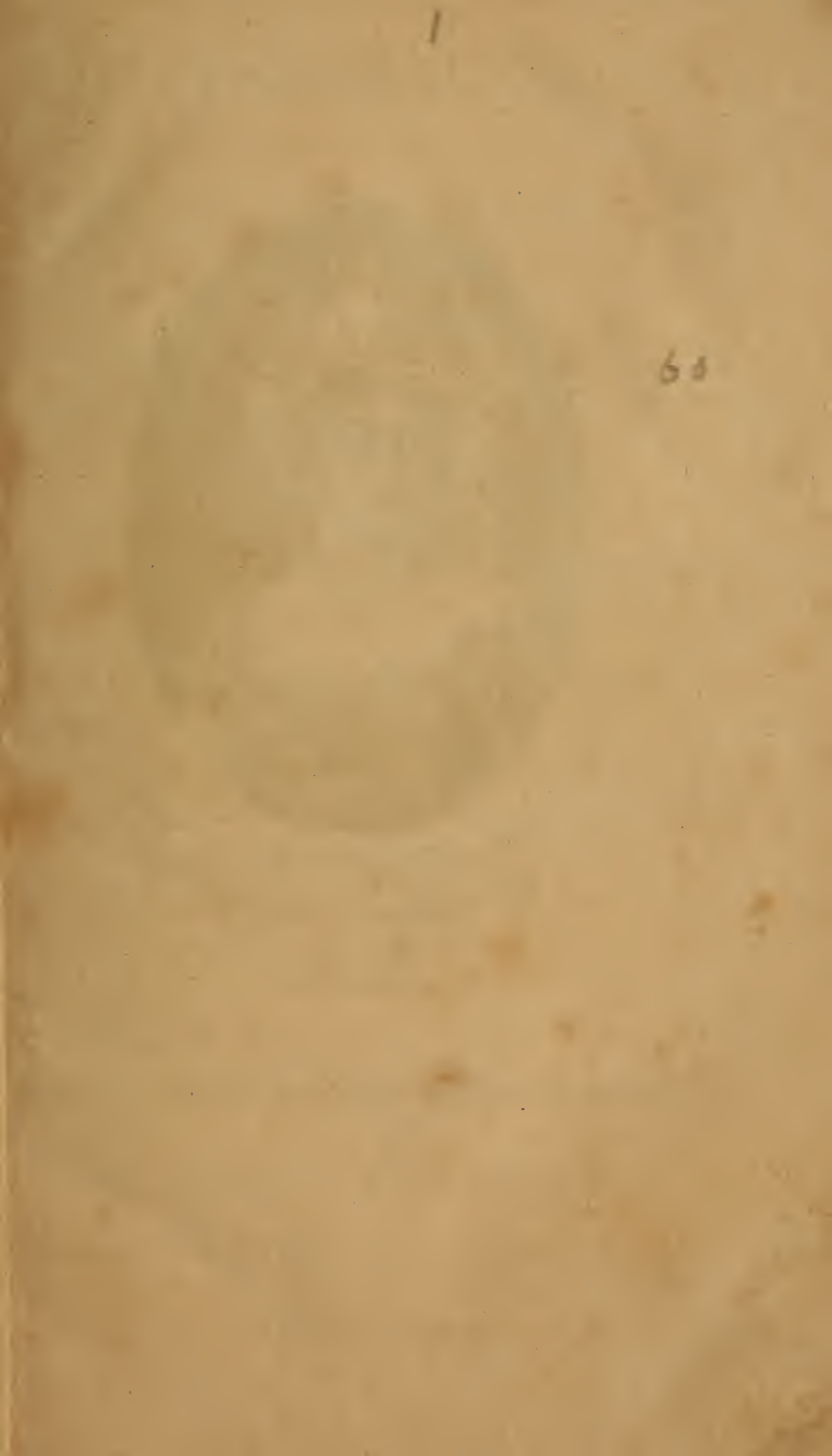

PQ
2431
.Z5B5

Г-жа Сталь-Голштейнъ, урожденная Неккеръ.

БIОГРАФИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Г-жѢ Сталь-ГольштейнЪ.

BIOGRAFICHESKOE POKHVAL'NOE " SLOVO...

Соч. Пет. Г. б. е.

Les grandes pensées viennent
du coeur.

Vauvenargues.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано въ Сенатской Типографiи

1822 года.

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ 5 Генваря 1822 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

БІОГРАФИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Г-жѣ Сталь-Гольштейнъ.

Les grandes pensées viennent du coeur.
Vauvenargues.

Однимъ изъ незабвенныхъ феноменовъ нашего времени было появленіе на поприщѣ Писателей жены, великой своимъ Геніемъ, прекрасной своею душею: я говорю о дочери славнаго Неккера. Однѣ утѣшительныя ея творенія служатъ отрадою для просвѣщенной Европы, оплакивающей ея потерю.

Если человѣкъ главными способностями души своей обязанъ не одной природѣ, то Г-жа Сталь-Гольстейнъ была уже счастлива тѣмъ, что имѣла родителей столь же образованныхъ, сколько

и добродѣтельныхъ. Отецъ ея, рѣдкій примѣръ Министра, соединялъ въ себѣ всѣ качества Государственнаго человѣка: дальновидность въ дѣлахъ и прямодушіе, знаніе людей и любовь къ человѣчеству, обширныя познанія въ теоріи и глубокое размышленіе. *Долгъ* былъ всегда святынею его: онъ не измѣнилъ ему и въ то время, когда его цѣною могъ купить привязанность цѣлой Франціи, которою былъ единодушно любимъ, доколѣ ненависть не сдѣлалась словомъ Французской революціи. Супруга его отличалась глубокомысліемъ; но, проникая во мракъ отвлеченностей, она не переставала помнить женскихъ обязанностей, и выполненіе оныхъ считала единственнымъ путемъ къ счастію.

Домъ Г-жи Неккеръ былъ средоточіемъ всѣхъ отличныхъ умовъ, кои прославились въ концѣ 18 го столѣтія. Юная дочь Министра, бесѣдуя съ ними, уже раннія лѣта свои ознаменовала самыми глубокомысленными занятіями. Въ 1781 году, когда отецъ ея выдалъ Compte rendu, писала она къ нему подъ неизвѣстнымъ именемъ письмо о семъ сочи-

неніи. Въ тоже время дѣлала извлеченія изъ *Духа Законовъ* Монтескье съ собственными примѣчаніями, и знаменитый Райналь желалъ, чтобы для его *Философической Исторіи обѣихъ Индій* написала она статью о уничтоженіи Нантскаго постановленія Людовикомъ XIV. Такая заря предвѣщала уже день блистательный.

На 20 году своего возраста, въ первый годъ замужства, привела Г-жа С. въ удивленіе всю публику Франціи изданіемъ своихъ *Писемъ о твореніяхъ и характерѣ Ж. Ж. Руссо*. Въ сіи лѣта, когда свѣтъ представлялся ей со всѣми своими обольщеніями, предавалась она внимательному разсмотрѣнію человѣка, обратившаго на себя взоры всей Европы. Его плѣнительное воображеніе, его всеобъемлющее краснорѣчіе разтрогали сильно младую душу, способную, по выраженію Бенжамень-Констана, принимать на себя всѣ ощущенія. Быть можетъ чтенію Ж. Жака обязана Г-жа С. полнымъ развитіемъ своего Генія: въ сихъ письмахъ показала она всю прелесть пера своего и разборчивость вкуса.

Разсмотримъ вкратцѣ тѣ изъ ея сочиненій, которыя, неся на себѣ печать дарованія, не служатъ однакоже непосредственно къ утвержденію ея славы, и остановимся болѣе на тѣхъ, кои передали имя сей необыкновенной женщины во владѣніе потомству. — По выходѣ въ свѣтъ *писемъ о Ж. Жакѣ* напечатаны вскорѣ двѣ піесы ея въ стихахъ: *Софія или сокровенныя чувства*, комедія въ 3хъ дѣйствіяхъ и *Іоанна Грей*, трагедія въ 5ти дѣйствіяхъ. Сіи піесы были первымъ доказательствомъ той любви Г-жи С. къ искуству драмматическому и того знанія всѣхъ таинствъ онаго, которыя показала въ послѣдствіи: въ оныхъ встрѣчаются сцены истинно занимательныя, и стихи, впрочемъ довольно слабые, одушевлены на каждой страницѣ чувствомъ и мыслію. Не смотря на то сею эпохою можно, кажется, означить два важныя обстоятельства ея жизни: 1.) Невыгодное мнѣніе, которое возымѣла о Французской Піитикѣ и 2.) какъ послѣдствіе перваго, нелюбовь къ ней большой части Французскихъ критиковъ. Французы, попеременно рабы и повелители, не могли постигнуть смѣлость жены, ко-

торая чувствовала въ себѣ силу освободить Геній отъ узъ, на него возложенныхъ, и отдать ему полную независимость. Къ сему присоединилось еще старое предубѣжденіе, коимъ полъ ея какъ бы изгонялся изъ храма разсудка; но скоро содѣлалась она первою его жрицею.

Наступила революція: кровавыя стопы ея попрали землю Франціи. О! какъ обмануты были просвѣщенные друзья оной! Они желали порядка, и нашли смѣшеніе законовъ; убѣгали злоупотребленій власти, и нашли самопроизвольность безъ границъ, безъ способовъ остановить ее; искали защиты въ своихъ правителяхъ, и нашли тигровъ, кои алкали ихъ кровію. Несчастные! предъ вами исторія, сей *завѣтъ предковъ къ потомству*, закрылась въ вашемъ ослѣпленіи. Вы стремились къ вольности—и палачь остріемъ цареубійственной сѣкиры возвѣстилъ ужасы ея.

Сердца добрыя, умы независимые пришли въ содроганіе! Дочь Неккера, раздѣлявшая съ своимъ родителемъ всѣ пе-

ревороты счастія, еще за два мѣсяца до смерти Королевы вознесла голосъ свой на ея защиту: подвигъ великій, достойный лучшихъ вѣковъ Греціи и Рима! Но что могло краснорѣчіе женщины противъ страстей, цѣлой народъ обуревающихъ? Оно изчезло, какъ изчезаетъ голосъ утопающаго, которой посреди морскихъ волнъ взываетъ о помощи. Многіе видѣли гибель невиннаго; но кто дерзнулъ бы оспоривать бурной стихіи ея добычу, содѣлался бы самъ ея жертвою.

Г-жа С. сопутствовала въ первомъ изгнаніи отцу своему, коего главная ошибка состояла въ томъ только, что дѣло слабыхъ было всегда его собственнымъ. Вскорѣ появились въ свѣтъ ея *Размышленія о мирѣ, относящіяся къ Питту и Французамъ* И *О мирѣ внутреннемъ*. Пламенная любовь къ Франціи и человѣчеству водили перомъ ея въ сихъ сочиненіяхъ; но вмѣстѣ показали онѣ и обширность ея ума, которой могъ обратиться на всѣ предметы безъ исключенія. Фоксъ, краснорѣчивый поборникъ Англійской Конституціи, соперникъ перваго Министра въ Европѣ, представилъ

Парламенту сіе твореніе, какъ знаменитѣйшее въ своемъ отношеніи. *Защищеніе Маріи Антоанетты* и *Размышленія о мирѣ* уже достаточны, чтобы дать справедливое понятіе о томъ, съ какою быстротою распространялись дарованія сей женщины.

Въ тоже почти время, когда въ сочиненіи своемъ къ Питту преподавала она Европѣ, такъ сказать, курсъ миролюбивой политики, явились ея *мѣлкіе отрывки* и показали въ ней сердце женщины. Нѣсколько повѣстей, совершенно отличныхъ отъ обыкновенныхъ произведеній сего рода, расположенныхъ такъ, что дѣйствіе оныхъ было почти драмматическое, и предшествуемыхъ прекраснымъ, единственнымъ по своей новости *опытомъ о вымыслахъ*, основали ея славу какъ писателя романовъ. Одна изъ сихъ повѣстей, Зюльма, имѣла въ Россіи переводчика, достойнаго своей сочинительницы — славнаго Исторіографа нашего. — Отсель начинается эпоха ея истинной славы, а вмѣстѣ и преслѣдованій, которыхъ не могла избѣгнуть до самаго паденія Деспота.

Будучи женою Шведскаго Посланника, Г-жа С. уже во дни Робеспьера долженствовала вторично оставить Парижъ, содѣлавшійся театромъ безпримѣрнаго кровопролитія, хотя по ея человѣколюбію пребываніе въ сей столицѣ дѣлалось ей почти необходимымъ. Съ добродѣтельною откровенностію повѣтствуетъ она сама въ послѣднемъ своемъ твореніи (о революціи), какъ часто была счастлива спасеніемъ друзей своихъ у себя въ домѣ. Укрывая одного изъ нихъ отъ кровожадности тогдашняго Правительства, она не была спокойна до той минуты, пока судьба особъ, дорогихъ для спасеннаго, не была также обезпечена. Никакія соображенія своихъ собственныхъ опасностей не имѣли мѣста въ ея благотвореніяхъ: такая разчетливость казалась ей высочайшею степенью егоизма. По прибытіи въ Коппетъ, помѣстье отца ея въ Швейцаріи, замокъ Неккера содѣлался убѣжищемъ гонимыхъ всѣхъ партій, а Г-жа С. ихъ Ангеломъ-покровителемъ противу озлобленныхъ тирановъ Франціи. Показавъ сіи качества добродѣтельной женщины, коей трудно, кажется найти примѣра въ Исторіи, мы

скорѣе поймемъ цѣль каждаго изъ ея сочиненій.

Человѣкъ чувствительный, обманутый въ своихъ привязанностяхъ, старается обвинить источникъ оныхъ—чувствительность. Г-жа С. въ 1796 году издала въ свѣтъ сочиненіе свое *о страстяхъ и о вліяніи ихъ на счастіе людей и народовъ.* Утомленная всѣми чувствіями, которыя толпились въ ея сердцѣ, она старается убѣдить въ необходимости избѣгать страстей, всегда обольстительныхъ, но всегда измѣняющихъ. Разсудокъ не можетъ не признать ея глубокомысленныхъ доводовъ; но воображеніе еще болѣе плѣняется тѣми яркими красками, коими кисть ея представляетъ страсти. Книга сія заключаетъ въ себѣ всю человѣческую природу: ея таинства показаны смѣло, но съ тѣмъ уваженіемъ ко всему святому, котораго не доставало писателямъ прошедшаго вѣка.

Франція изъ слабой Монархіи сдѣлалась сильною Республикою: все измѣнилось въ отчизнѣ предубѣжденій! Правле-

ніе, общество, самой языкъ получили другой видъ, другое направленіе; могла ли Словесность не раздѣлить общаго измѣненія дѣлъ и народа? Г-жа С. хотя предчувствуя, что новый порядокъ вещей не могъ оставаться долго, не имѣя за себя никакого поручительства, потщилась однако же сообщить Французамъ свои мысли о *Литтературѣ въ отношеніи къ общественнымъ постановленіямъ*. Въ семъ твореніи, новомъ для Франціи, имѣла она двѣ цѣли: 1е, доказать шествіе ума человѣческаго къ совершенству, мысль высокая, принадлежащая Канту, Фергюссону, Кондорсету; и 2е, обратить вниманіе Французскихъ Писателей на красоты новыя, неизчерпанныя, заключающіяся въ поэзіи Сѣверныхъ народовъ; на языкъ страстей, на чувство горести, столь близкое къ природѣ человѣка, столь богатое въ искуствѣ потрясать сердце; словомъ, на произведеніе Оссіана и Шекспира, Гёте и Шиллера. Извѣстный Фонтанъ и другіе стихотворцы принялись защищать какъ бы обиженную классическую Поэзію въ томъ, что Г-жа С. сравнила Гомера съ Оссіаномъ и тою мыслію Автора, что Греки

и Римляне въ изображеніяхъ чувствительности отстали отъ новѣйшихъ поэтовъ, хотя въ картинахъ, образахъ, вымыслахъ и всемъ, что принадлежитъ воображенію, безспорно остаются нашими учителями. Публика была на сторонѣ сочинительницы, и едва могла вѣрить, что бы твореніе, требующее не одного генія, но вмѣстѣ и глубокаго знанія всѣхъ вѣковъ и народовъ, было произведеніемъ пера молодой женщины. —

Вліяніе Г-жи С. на Французское Правительство сдѣлалось сильно во время Директоріи: посредствомъ знакомства своего съ Баррасомъ возвела она Талейрана на степень Министра. Зала ея была сборнымъ мѣстомъ всѣхъ, еще не зараженныхъ революціоннымъ изувѣріемъ, гражданъ. Вездѣ, гдѣ присутствовала сія женщина, любовь къ добродѣтели и нравственности водила поступками Правителей: они боялись ея проницательныхъ взоровъ, которые подъ личиною патріотизма часто открывали одно честолюбіе, а въ отстраненіи себя отъ опасностей общихъ видѣли верьхъ политическаго себялюбія. Не смотря на то,

Г-жа С. чувствовала всю тяжесть своего положенія: обширность ея дарованій не избавляла ее отъ обязанностей женскихъ; всякій *долгъ* исполняла она свято, но *приличія* бывали иногда ею нарушаемы, и сія-то борьба ежедневныхъ зависимостей съ природною страстію ея къ свободѣ произвела превосходной ея романъ — *Дельфину.*

Сей романъ, если можно дать такое наимянованіе философическому изображенію всѣхъ прелестей женскаго сердца, всѣхъ несовершенствъ судьбы человѣческой, всѣхъ недостатковъ ума предъ сокровищами душевными, сей романъ, говорю я, есть безъ сомнѣнія одно изъ лучшихъ произведеній своего вѣка. Простота плана онаго удивительна: женщина одаренная всѣми качествами ума и сердца, познаетъ всюду однѣ несчастія, и сіе потому, что не привыкла подчинять себя общему мнѣнію; мущина же напротивъ, будучи рабомъ онаго, симъ самымъ навлекаетъ на себя и на любезное ему существо однѣ бѣдствія? Не даетъ ли сія противоположность повода къ тысячи размышленіямъ о зависимости

нашего счастія отъ другихъ людей? И не согласимся ли мы съ мнѣніемъ Г-жи С., изъясненнымъ ею въ послѣдствіи, что наше счастіе состоитъ въ обладаніи судьбою, которая бы согласовалась съ нашими постоянными качествами, а не съ желаніями, безпрестанно измѣняющимися? — По прочтеніи сего сочиненія нѣтъ женщины, которая бы не хотѣла быть Дельфиною со всѣми ея недостатками, со всѣми почти ея несчастіями; нѣтъ мущины, который бы не избралъ Дельфину своимъ идеаломъ.

Сколько характеровъ, особенно женскихъ, въ этомъ твореніи! Характеровъ не тѣхъ, которые обрисовываются почти всегда недостатками, привычками, какою-то наружною природою человѣка, какъ въ комедіяхъ и въ большей части романовъ. Нѣтъ! Г-жа С. не могла быть простымъ живописцемъ, который радуется неправильнымъ чертамъ лица для легчайшаго списанія онаго. У нее всѣ женщины, и даже виновная, сохраняютъ нѣчто доброе, чувствительное: такова въ самомъ дѣлѣ ихъ природа. Одна безпрестанная зависимость сего пола порож-

даетъ его недостатки, всегда ничтожные предъ его добродѣтелями.

Не станемъ входить въ подробности критики: она любитъ особенно извиваться предъ твореніями ознаменованными смѣлостію, печатью дарованія, Скажемъ только, что разбирать дѣла воображенія значитъ не быть увлечену ими; и по сему ничего нѣтъ скучнѣе тѣхъ критикъ, которыя и хвалятъ и охуждаютъ въ одно время. Мнѣ кажется, надлежитъ спросить себя съ искренностію: какое дѣйствіе производитъ на мою душу такая книга, такая картина, такая музыка? Если оно благодѣтельно, то къ чему находить въ немъ ошибки? Цѣлое васъ плѣняетъ, а вы столь неблагодарны, что отыскиваете недостатки въ частяхъ его. Не значитъ ли это открывать неправильности въ чертахъ любимой вами особы?...

Въ семъ же году (1802) вышло въ свѣтъ послѣднее твореніе Неккера (Dernières vues politiques). — Еще за два года предъ симъ Наполеонъ, при переходѣ своемъ чрезъ Сен - Бернаръ, оставался

долго у бывшаго Министра Франціи, и открылъ ему часть своихъ преднамѣреній. Неккеръ въ своемъ сочиненіи хвалилъ Наполеона; но по любви своей къ правдѣ, не могъ скрыть невыгодъ Консульскаго Правленія, и даже коснулся желанія завоевателя основать Монархію. Первый Консулъ созрѣлъ уже для деспотизма: твореніе Неккера было окритиковано въ Журналахъ и Консулъ Лебрёнъ совѣтовалъ Автору, въ письмѣ своемъ, не заниматься болѣе Государственными дѣлами Франціи. Г-жа С. была до сего знакома съ Наполеономъ; еще послѣ Кампо-Формійскаго мира, въ 1797 году, ходатайствовала она, хотя тщетно, о нейтралитетѣ Швейцаріи: ей послѣдовало повелѣніе,—подъ тѣмъ предлогомъ, что отецъ ея получаетъ отъ нее ложныя извѣстія о Франціи,—удалиться изъ Парижа. Съ сего времени провела она двѣнадцать лѣтъ въ изгнаніи, и только въ 1806 году на нѣсколько дней посѣтила тайно любимое мѣсто ея рожденія.

Одною изъ отличительностей характера Г-жи С. было неограниченное уваженіе къ ея родителю. Въ концѣ его жизни

сдѣлалась между ними связь нѣжнѣйшаго дружества, основаннаго, кромѣ священныхъ узъ природы, на одинаковомъ образѣ мыслей въ Политикѣ и Философіи. Неккеръ хотѣлъ основать общество на законахъ морали: дочь его всю жизнь свою доказывала не только возможность, но и необходимость сего условія. Они оба ужасались правила возмутителей, что *для достиженія своей цѣли всѣ способы позволительны*, или же изрѣченія Мирабо, что *мѣлкая нравственность убиваетъ большую*. (А сія большая, говоритъ Г-жа С. не представлялась ему во всю жизнь.) —Въ 1803 году оставила Г-жа С. Коппетъ, чтобы впервые увидѣть Германію, о коей уже въ сочиненіи своемъ *о Литтературѣ* дала столь выгодное понятіе. Въ бытность свою въ Берлинѣ узнала она о болѣзни отца своего, а поспѣшивъ къ нему, въ дорогѣ получила извѣстіе о его кончинѣ. Горесть ея была глубокая: всѣ тѣже предметы окружали ее, но человѣка, который всему давалъ цѣну, все одушевлялъ собою, не существовало болѣе. Г-жа С. осталась одна безъ покровителя (еще въ 1798 году лишилась она своего мужа.) Потеря отца ея сильно по-

трясла ея душу; съ сихъ поръ можно видѣть слѣды сей утраты во всѣхъ ея твореніяхъ: меланхолія прелестнѣе другихъ чувствъ въ нихъ изображается; любовь къ религіи, единой неизмѣнной утѣшительницѣ въ семъ мірѣ, принимаетъ видъ болѣе рѣшительный; мысли отца ея, особенно въ книгѣ Sur les opiniones religieuses представленныя, наполняютъ ея душу и оплодотворяютъ съ сей поры всѣ ея сочиненія. Первымъ изъ нихъ была *Жизнь Неккера,* изданная съ оставшимися послѣ него рукописями: говорятъ, ни въ которомъ изъ ея произведеній не видно столь хорошо сердца сочинительницы.

Въ 1805 году, оплакавъ сію ни чѣмъ не вознаградимую потерю (ибо однѣ родственныя чувства имѣютъ видъ правды въ семъ мірѣ), Г-жа С. направила путь свой въ Классическую страну искуствъ, подъ голубое небо Италіи. Тамъ яркая зелень природы была во всегдашней противоположности съ ея печалію: она изобразила сію противоположность въ Кориннѣ, прелестнѣйшемъ изъ ея сочиненій. Что умъ и чувства заключаютъ въ себѣ пространнаго и глубокаго; что Сѣверъ и

Югъ представляютъ между собою разнообразнаго; что древность и времена новѣйшія являютъ въ себѣ великаго и утѣшительнаго, все это соединено здѣсь живою кистью воображенія. Коринна есть романъ (и романъ первѣйшій въ свѣтѣ) по дѣйствующимъ лицамъ и страстямъ ихъ; по описанію же Италіи, по импровизаціямъ въ Капитоліи, у подошвы Везувія, по изображеніямъ прелестей природы и воспоминаніямъ прошедшаго, по возвышеннымъ чувствамъ, наполняющимъ все сочиненіе, нельзя не назвать его Поэмою. Напитанная чтеніемъ Данта, Петрарка, Аріоста и Тасса, Г-жа С. передаетъ намъ ихъ чувствованія вмѣстѣ съ мыслями Цицерона и Виргилія. Шатобріанъ, сидя на развалинахъ Колизея, послышалъ колоколъ Св. Петра, раздававшійся въ семъ неистлѣвшемъ памятникѣ древняго величія; такое сношеніе между Римомъ идолопоклонскимъ и Римомъ Христіанскимъ восхитило его душу: тоже самое чувство наполняетъ сердце при чтеніи Коринны.

Признаюсь однакоже, и я не одинъ такаго мнѣнія, что часть романическая

привлекательнѣе въ семъ сочиненіи, нежели описательная. Г-жа С. не хотѣла издавать путешествія, которое бы не одушевлено было присутствіемъ любви, энтузіасма и несчастій, вездѣ неразлучныхъ съ судьбою человѣка; и чувствительность женскаго сердца превозмогла даръ наблюденій. Главная мысль, на коей основаны всѣ произшествія, кажется таже, какъ и въ Дельфинѣ: превосходство генія въ женщинѣ порождаетъ ея злополучіе. Въ Кориннѣ доказана въ особенности прежняя мысль Г-жи С., что мужчина можетъ слыть добрымъ, и нанести горесть ужаснѣйшую женщинѣ. Ничего нѣтъ трогательнѣе развязки сего романа: письмо Коринны къ Освальду въ послѣднія минуты ея жизни, сіе письмо, исполненное всякаго рода великодушіемъ, есть образецъ искуства, проникая въ глубину души, открывать въ ней струны нѣжнаго соучастія.

Многіе, особенно женщины, предпочитаютъ однакожъ Дельфину сему послѣднему произведенію. Причина сего кажется естественна: мы любимъ читать тѣ творенія, которыя открываютъ

намъ наши собственныя чувства; которыя, показывая намъ лица, имѣющія съ нами нѣкоторое сходство, оправдываютъ или извиняютъ наши слабости. Дельфина имѣетъ качества небесныя; но какая женщина не припишетъ и себѣ оныхъ? Поступки Дельфины не могутъ не плѣнить самую добродѣтель, придавая ей какую-то наружную грацію: отъ того и романъ сей болѣе въ рукахъ женскаго пола. — Коринна есть сборъ однѣхъ совершенствъ: всѣ таланты, всѣ познанія, всѣ добродѣтели составляютъ сіе необыкновенное существо: это сама Г-жа С. по свидѣтельству всѣхъ, кои въ ежедневномъ обращеніи съ нею могли изучиться ея природѣ; и сіи самыя совершенства дѣлаютъ чтеніе Коринны утомительнымъ для прекраснаго пола.

Шенье, Французскій стихотворецъ и критикъ, укоряетъ Г-жу С. въ томъ, что она даетъ своимъ лицамъ всѣ возможныя превосходства: это обвиненіе было бы справедливо тогда, еслибы сочинительница не выдержала всего обѣщаннаго сими превосходствами; еслибы при изображеніи ея характеровъ видна была натяжка;

если бы сіи лица не были написаны съ тою простотою, которая доказываетъ, что Г-жа С. сего превосходства не искала далеко, а почерпала въ самой себѣ. Къ чему бы служили вымыслы, если бы не къ возвышенію природы человѣческой? Для чего искать идеала, если не соединять въ немъ всего прекраснаго, къ коему влечетъ насъ таинственность нашей души? Пракситель въ изображеніи своемъ Венеры собралъ всѣ совершенства земныхъ прелестей; Пигмаліонъ не влюбился бы въ свою статую, еслибъ она не заключала идеала красоты, давно запечатлѣннаго въ его сердцѣ? Что неоспоримо въ живописи, въ ваяніи, еще справедливѣе должно быть въ поэзіи, съ коею всѣ сочиненія хорошихъ прозаиковъ, особенно же Г-жи С., имѣютъ сродство близкое и постоянное.

Теперь приступаю къ знаменитому творенію *о Германіи*, плоду тѣхъ преслѣдованій, коимъ подвергалась Г-жа С. отъ начала Консульскаго правленія. Сочиненія сего Автора идутъ въ примѣтной прогрессіи на счетъ отдѣлки частей и зрѣлости мыслей: сіе послѣднее превос-

ходитъ всѣ, упомянутыя нами доселѣ. Конечно восторгъ ея не столь силенъ, какъ при воззрѣніи на Италію, на искуства, на пылкость ума и воображенія; но способность раздроблять, углубляться, сравнивать, взвѣшивать, означать всему свое мѣсто, разсѣевая тотъ мракъ, въ коемъ высокія истины жизни скрываются, сіи качества разсудка всеобъемлющаго не имѣютъ границъ въ ея *Германіи*. Способность мыслить принимаетъ видъ небесный въ семъ сочиненіи: главная цѣль онаго научить Французовъ терпимости въ отношеніи къ мнѣніямъ Философическимъ и Литтературнымъ, какъ писатели прошедшаго вѣка обращали оную къ различію вѣроисповѣданій.— Г-жа С. полюбила страну, гдѣ была принята съ гостепріимствомъ и дружелюбіемъ. И могла ли искренность, прямодушіе и восторгъ къ поэзіи не плѣнить ея сердца послѣ всѣхъ раздоровъ Франціи, гдѣ возвышенность чувства сдѣлалась предметомъ насмѣшки или озлобленія. Она полюбила Германію, но осталась справедливою къ своему отечеству, и если иногда кажется пристрастною къ Германцамъ, то въ виду имѣетъ безпри-

страстіе цѣлой Франціи. Она держится одной стороны, какъ Оппозиція въ Британскомъ Парламентѣ: дабы изъ сопротивленія частей извлечь благо общее.

Нѣмецкая Словесность есть явленіе новое, какъ по времени своего рожденія, такъ и по характеру, какой приняла при самомъ началѣ. Французы вѣка Людовика XIV взяли древнихъ предметомъ своихъ подражаній, и Литтература ихъ прослыла классическою. Французы слѣдующаго вѣка старались, хотя тщетно, свергнуть съ себя иго правилъ Аристотелевыхъ, прекрасныхъ въ своей теоріи, но трудныхъ для самаго генія, и часто гибельныхъ въ мѣстныхъ примѣненіяхъ. Волтеръ видѣлъ красоты стихотворцевъ неподражателей, какъ на примѣръ Шекспира, и перенесъ ихъ въ свои трагедіи; но онъ не хотѣлъ давать сей свободы второкласнымъ писателямъ, защищаясь шуткою:

Au Parnasse comme dans le monde
Il n'est permis qu'au riche de voler.

Въ сіе время Нѣмцы, изучаясь красотамъ древней словесности не для подражанія оной, но для почерпанія энтузіас-

ма къ благородному и высокому, составляли себѣ Поэзію сильную, свѣжую, основанную на воспоминаніяхъ началъ Христіанства, временъ рыцарскихъ, нравовъ предковъ своихъ, и сія Поэзія росла быстро, подобно кедру, могущему въ своей юности и готовому принимать подъ тѣнь свою, когда другія деревья едва противостоятъ боренію вѣтра. Клопштокъ, Гёте, Шиллеръ и другіе достойные сыны Германіи не могли внушить удивленія Французамъ: Г-жа С. обучась языку Нѣмецкому открыла новую руду своимъ умственнымъ наслажденіямъ, и сіи великіе люди услышали достойную признательность ихъ генію изъ устъ женщины, рожденной Француженкою, но по дарованію своему принадлежащей всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Философія Нѣмецкая еще болѣе обратила на себя вниманіе автора: говоря о Кантѣ, о Лейбницѣ, Г-жа С. вдается также въ разсмотрѣніе Философіи Англійской и Французской, и обвиняя послѣднюю въ матеріализмѣ, приписываетъ начало онаго системѣ Локка, которой пріобрѣтеніе всѣхъ познаній человѣка отнесъ къ

чувствамъ. Разсуждая о словесности, Г-жа С. блистаетъ умомъ, но въ послѣдней части сего сочиненія удивляетъ своимъ глубокомысліемъ, и заставляетъ любить всѣ познанія человѣческаго разума. Она видитъ все, что о какомъ либо предметѣ сказать можно, и почти опечаливаетъ читателя, предугадывая его собственныя мысли. — Кто не преклонитъ колѣна предъ сею великою женщиною, видя тотъ благородный жаръ, съ коимъ борется она противу егоизма своего вѣка: ибо егоизмъ, даже подъ шлемомъ геройства, водилъ судьбами Европы! Тщетно взывала она краснорѣчіемъ сердца къ своимъ современникамъ; тщетно искала внушить имъ порывы, которые пробудили бы ихъ отъ политическаго усыпленія! Одна Россія ждала минуты, для совершенія предназначеннаго! Одна Англія охраняла моря, *подобно рыцарю, вооруженному въ теченіи десяти лѣтъ на защиту Европы* (*). — Г-жа С. въ 1810 году сдѣлалась новымъ предметомъ изгнанія, потому только, что въ ея книгѣ не было упомянуто ничего о завоеваніяхъ ве-

(*) Выраженіе Г-жи С.

ликой націи и ея властелинѣ. Странная участь народовъ! Франція десятилѣтними ужасами внутренними и кровопролитіями за свободу купила только право отнимать свободу другихъ земель, не пользуясь сама оною. Г-жа С. была несчастлива злополучіями Европы: она рѣшилась искать земель, неотягченныхъ общимъ игомъ, и въ 1812 году, въ незабвенномъ году для Россіи, направила путь свой въ наше отечество, гдѣ во все продолженіе своего пребыванія не ощутила, какъ сама повѣствуетъ, никакихъ впечатлѣній, кромѣ благородныхъ и пріятныхъ. Она переступила черезъ границу 14 Іюля, день Французской революціи въ 1789 году и ея смерти въ 1817. Удивительное знаменованіе рока въ сближеніи чиселъ!

Взглянувъ съ благоговѣніемъ на общій восторгъ, одушевлявшій Русскихъ къ войнѣ за родину, Г-жа С. отправилась изъ С. Петербурга въ Швецію, отечество ея перваго мужа. Тамъ написала она *Опытъ о самоубійствѣ*, въ которомъ доказываетъ несправедливость прежней мысли своей, будто человѣкъ, желающій наслаждаться жизнію, долженъ быть всегда готовъ лишить себя

оной. Какое великодушіе въ Авторѣ признавать собственныя свои ошибки! Она искренно раскаявается въ пылкости своего молодаго возраста, которой внушилъ ей такое заблужденіе. Если бы сія искренность была свойственна всѣмъ писателямъ, то духъ безвѣрія не сбивалъ бы цвѣтъ жизни въ странахъ просвѣщенныхъ. — Въ 1813 году ввѣрилась она волнамъ моря и выступила на берегъ Альбіона, предметъ всегдашнихъ ея помышленій. Слабая здоровьемъ, она не боялась густыхъ тумановъ сего острова: небо свободы, говорила она, казалось мнѣ всегда безоблачнымъ. Уже въ Лондонѣ издала въ свѣтъ свою *Германію*, которой печатаніе остановлено въ Парижѣ въ 1810 году самымъ беззаконнымъ образомъ, и за которую Авторъ былъ высланъ изъ Франціи. Нельзя не ужаснуться деспотизму, которому тогда Французы поклонялись добровольно! Но часъ паденія Наполеонова пробилъ, а съ нимъ настало и освобожденіе народовъ. Г-жа С. возвратилась въ Парижъ въ 1814 году, гдѣ была принята съ отличіемъ Королемъ и всѣми партіями. Выступленіе Наполеона на берега Франціи нарушило снова ея спокой-

ствіе: она удалилась въ Коппетъ, и на приглашеніе Императора возвратиться въ Парижъ для совѣщанія о Конституціи, отвѣтствовала: десять лѣтъ обходился онъ безъ меня и безъ Конституціи, да вѣроятно и теперь насъ обѣихъ не любитъ. Людовикъ XVIII, утвердясь на престолѣ, повелѣлъ уплатить ей два милліона франковъ, должные Неккеру Французскимъ Правительствомъ. Тогда намѣревалась она въ покоѣ насладиться жизнію въ кругу любимаго семейства и друзей своихъ, но смерть погасила сей олтарь благородныхъ мыслей на 53 году ея жизни.

Вскорѣ послѣ кончины Г-жи С. вышло въ свѣтъ ея *Обозрѣніе Французской революціи*, твореніе, признанное Классическимъ по сему предмету. Оно не столько излагаетъ всѣхъ произшествій того времени, сколько открываетъ намъ ходъ страстей, водившихъ народомъ. Это полная картина той машины, въ коей малѣйшія пружины приводили иногда въ движеніе цѣлое. Это занимательнѣйшая по содержанію своему драмма, въ которой все, и самые ужасы, возбуждаютъ

наше любопытство. Г-жа С. имѣетъ особенный даръ представлять людей читателю: характеры Мирабо, Бонапарта и Неккера служатъ тому доказательствомъ. Часто по одному слову, по одному движенію заставляетъ Г-жа С. отгадывать душу описываемаго человѣка. Кто, прочтя ея твореніе, не согласится, что Мирабо не доставало добродѣтели, Наполеону великодушія? Кто не полюбитъ Геній честнаго Неккера, хотя не ознаменовавшійся успѣхами? Ее упрекаютъ въ пристрастіи къ отцу своему; но спросимъ у сихъ укорителей—если бы Неккеръ и не исполнилъ воли Короля отъѣздомъ изъ Парижа, тогда какъ его ослушаніе приготовляло ему торжество народное; если бы онъ посреди сей немилости во время всеобщаго волненія Парижа не рѣшился дать большую часть своего имѣнія поручительствомъ, для избавленія мятежной столицы отъ голода; если бы по возвращеніи своемъ въ оную *всепрощеніе и забвеніе прошедшаго* не были первыми словами, кои произнесъ отъ глубины души своей; еслибы, не соединяя въ себѣ всѣхъ качествъ Министра - Рыцаря, не былъ онъ

всегда защитникомъ угнѣтеннаго и подпорою слабаго, не вѣрилъ своимъ обязанностямъ, какъ Божеству, не знающему никакой исключительности; если бы, говорю, Г-жа С. и не имѣла столь сильныхъ причинъ любить его съ полнымъ восторгомъ души своей, и тогда, видя его ежедневно какъ человѣка и отца семейства, она не могла бы отказать ему въ своемъ удивленіи! Любовь къ родителю, какъ вѣра въ Провидѣніе, не можетъ имѣть границъ въ сердцахъ возвышенныхъ!

Обозрѣніе революціи по важности своего предмета займетъ конечно первое мѣсто между всѣми произведеніями сего Автора; никто не могъ описать сего ужаснаго произшествія лучше, ибо никто, можетъ быть, не имѣлъ возможности наблюдать, когда всѣ дѣйствовали. И Г-жа С. дѣйствовала также, спасая несчастныхъ. Послѣ смерти ея во многихъ Французскихъ Журналахъ приносили облагодѣтельствованные ею честь ея памяти. Она сама воспоминаетъ о сихъ пріятныхъ часахъ ея жизни въ семъ сочиненіи, и тѣмъ драгоцѣннѣе оно для потомства. Безъ сего оно должно бы, кажется, усту-

тить первенство свое творенію *о Германіи*: ибо въ семъ послѣднемъ разсматриваются всѣ мысли, всѣ чувства, приносящія честь роду человѣческому, когда въ первомъ видна только политика, хотя благодѣтельная и великодушная. Быть можетъ большая часть писателей, приводя счастіе народовъ въ науку и подчиняя управленіе Государствъ различнымъ теоріямъ, впадали въ заблужденія потому только, что хотѣли установлять порядокъ вещей новый, не имѣющій никакой связи съ прошедшимъ. Самъ Руссо при всей любви своей къ человѣчеству, допустилъ въ Contrat social правила оправдывающія насиліе, и сіи правила провозглашены были изступленными Якобинцами. Г-жа С. избрала образъ правленія, коего вліяніе на счастіе народовъ освящено опытностію, и который имѣетъ выгоду быть созидаемъ безъ разрушенія.

Изъ числа обнародованныхъ послѣ смерти Г-жи С: ея сочиненій, заслуживаютъ особеннаго вниманія *драммы и десятилѣтнее изгнаніе*. Между первыми занимаетъ прекрасное мѣсто *Сафо*, напоминающая собою и таланты и сердце

Коринны: это превосходная картина борьбы генія съ сильною страстію. Вообще Г-жа С. искусно живописуетъ, какимъ образомъ душа человѣческая

Небеснаго полна;
А всё *земнымъ* возмущена. (*)

Агаръ въ пустынѣ, Сунамита, Женевьева Брабантская наполняютъ читателя тѣмъ нѣжнымъ соучастіемъ къ прекрасному полу, которое всегда благодѣтельно для нашего сердца. Нельзя не любить сихъ небесныхъ созданій, которымъ Г-жа С. даетъ жизнь своимъ воображеніемъ: ея идеалы почти принимаютъ видъ существенный въ сердцѣ читателя.

Десятилѣтнее изгнаніе писано отчасти въ Коппетѣ, отчастижъ въ Стокгольмѣ въ 1812 году. Оно исполнено весьма любопытныхъ подробностей, относящихся къ первому Консулу и потомъ Императору, который при всемъ могуществѣ своемъ не преставалъ гнать слабую женщину, опасную для него своею независимостію. Когда ополченія Наполеона ринулись на Россію, когда вся Европа навод-

(*) Жуковскій, отчетъ о Лунѣ.

нилась покровителями и союзниками. Г-жа С. какъ уже мы сказали выше, скрытно достигла границъ Россіи. Хвала землѣ, принимающей подъ кровъ свой несчастныхъ, не спрашивая о ихъ политическихъ мнѣніяхъ: ибо кто знаетъ, отъ какого стеченія обстоятельствъ сіи мнѣнія зависятъ и измѣняются! — Въ сихъ запискахъ изображаетъ Г-жа С. и Россію, на которую, правда, смотрѣла она глазами любви, но не пристрастія. Кіевъ, Москва и Петербургъ особенно обратили на себя ея вниманіе: она хвалитъ гостепріимство дворянъ, готовность прислужиться въ крестьянахъ, и тотъ духъ любви къ Отечеству, который вездѣ, особенно же въ древней Москвѣ, тогда находила. Г-жа С. любила замѣчать людей вообще, но еще, кажется пріятнѣе для нея было наблюдать ихъ порознь: рыцарь нашего времени, Баярдъ Россіи, первый поразилъ ея взоры въ Кіевѣ. Она описываетъ его со всею прелестію своего пера и прибавляетъ, что видѣла въ немъ истинно Рускаго. Славный Растопчинъ, *все* приносящій на олтарь любви къ Отечеству, многіе Вельможи Московскіе, изъ за нѣги и роскоши спѣшащіе на

поле битвы; дворъ Петербургскій, спокойный и пріятный въ самые дни печали; наконецъ безсмертный Кутузовъ, слава дней нашихъ, котораго Г-жа С. спѣшила видѣть на канунѣ отъѣзда его къ войску: сіи предметы высокіе, сіи лица, принадлежащія потомству, представлены въ семъ сочиненіи со всею яркостію красокъ. Не говорю о бесѣдахъ ея съ тѣмъ изъ современниковъ нашихъ, который началъ и довершитъ блаженство Россіи; который мудростію принадлежитъ намъ, а сердцемъ всему человѣчеству, котораго Г-жа С. могла понимать, а мы благодарить дерзаемъ.— Будущій Историкъ Россіи съ признательностію займетъ у Г-жи С. тайныя помышленія Вѣнценосца, изліянныя въ сердце великой женщины. — Изъ Стокгольма, кажется, оставалась она въ перепискѣ съ нашимъ Монархомъ.

Еще нѣсколько мѣлкихъ произведеній сего Автора заслуживаютъ, чтобы упомянуть объ нихъ. *Похвальное слово Гиберу,* славнѣйшему военному писателю своего времени, хорошему Трагику и одной изъ первыхъ жертвъ революціи, на-

писано при началѣ оной. Г-жа С. была его другомъ, и принесла на гробъ его цвѣты, столь свѣжіе, столь благовонные, какъ молодое сердце писательницы. — *Новая развязка Дельфины* и *разсужденіе о нравственной цѣли Дельфины* написаны въ слѣдствіе критикъ, которыя претерпѣлъ романъ сей. *Посланіе о Неаполѣ*, кажется лучшее изъ ея стихотвореній, написанное изъ благодарности къ дѣйствію южнаго воздуха, который облегчилъ грудь ея стѣсненную горестью. Другія *стихотворенія*, большею частію переводы съ Англійскаго, Нѣмецкаго и Италіянскаго, отличаются не столько красотою поэзіи, сколько искуствомъ выбора. *Предисловіе къ письмамъ Принца де—Линя*, внушенное ей дружбою, *воззваніе къ Союзнымъ Монархамъ о уничтоженіи торга Неграми*, человѣколюбивое намѣреніе, раздѣляемое ею съ славнымъ Вильберфорсомъ; наконецъ три комедіи, въ коихъ все остро и забавно — вотъ тѣ бездѣлки, кои служили отдохновеніемъ Г-жи С. въ трудахъ ея.

И сія женщина, коей каждый шагъ ознаменованъ былъ добрымъ дѣломъ или

благодѣтельнымъ сочиненіемъ, не знала собственнаго счастія: вся жизнь ея была послѣдствіемъ борьбы и лишеній. На двадцатомъ году своего возраста вышла она за мужъ не по склонности, а въ угожденіе Госпожѣ Неккеръ: это заставляло ее говорить послѣ, что дочь свою она *принудитъ выттти по любви.* Ея супругъ, нѣсколько лѣтъ спустя, по своей расточительности заставилъ ее отъ себя удалиться, для сбереженія имущества дѣтямъ; но вскорѣ узнала она о его болѣзни и спѣшила къ нему на помощь. До его смерти успѣла она еще оказать ему всю заботливость нѣжной супруги. Послѣ сего лишилась она матери, тѣмъ болѣе ею любимой, что Г-жа Неккеръ была истинною подругою своего мужа при всѣхъ измѣненіяхъ его счастія: въ жизни отца своего она трогательно описываетъ взаимную ихъ привязанность. Въ 1805 году во время перваго ея изгнанія постигло ее величайшее несчастіе ея жизни — утрата обожаемаго родителя. Чувствительный Неккеръ дрожащею рукою писалъ первому Консулу прозьбу о прощеніи его дочери, прощеніи въ томъ, что она была невин-

на; и прозьба сія осталась тщетною. Можно ли послѣ сего удивляться, что и Г-жа С. была неумолима къ Наполеону въ своихъ твореніяхъ?— Въ 1810 году, когда не только Парижъ, но и вся Франція заперли для нее свои предѣлы, Г-жа С. имѣла и то величайшее огорченіе, что нѣкоторые друзья, посѣтившіе ее въ Коппетѣ, были за сіе также изгнаны. Ужасная утонченность деспотизма — дѣйствовать всѣми путями на чувствительное сердце женщины!— Нельзя умолчать ея жизнеописателю, что въ семъ же году встрѣтила она Французскаго Офицера Рокка, жертву несправедливой войны въ Испаніи: его любезность овладѣла воображеніемъ Г-жи С., а изнеможеніе отъ ранъ тронуло ея сердце. Онъ сказалъ: я буду любить ее до того, что она изберетъ меня своимъ супругомъ, и отгадалъ ея природу. Въ самомъ дѣлѣ она сочеталась съ нимъ бракомъ, который могъ бы украсить ей послѣдніе годы ея жизни, еслибъ новая печаль не постигла ее: старшій сынъ ея, при наслѣдномъ Принцѣ Шведскомъ, сражавшійся за дѣло Европы, убитъ на поединкѣ, коему пылкій нравъ его былъ причиною. Такіе удары

сопровождавшие всю жизнь Г-жи С. терзали ея чувствительность; но имъ то, можетъ быть, обязаны мы тѣмъ глубокимъ знаніемъ души человѣческой и тою утѣшительностію ея правилъ, кои вездѣ, какъ лучь Божества, сіяютъ въ ея твореніяхъ.

Любопытно читать полное описаніе характера Г-жи С., представленнаго ея родственницею и другомъ въ началѣ полнаго изданія ея твореній. Въ юномъ возрастѣ исполненная живости и надеждъ; въ молодости увлекаемая пламенемъ своего воображенія, любовью къ независимости и энтузіасмомъ къ прекрасному; въ лѣтахъ преклонныхъ горящая желаніемъ пользы для людей и народовъ, душа Г-жи С., вознесшаяся до возможной высоты благородныхъ мыслей, перешла всѣ степени ощущеній благихъ, коими творецъ надѣляетъ смертнаго. И при необычайной возвышенности ея природы, какое соучастіе ко всѣмъ людямъ, способнымъ или нѣтъ разумѣть ея прорицанія! Посмотримъ, какое дѣйствіе производила она на ея окружающихъ, дѣйствіе, описанное однимъ изъ Корифеевъ Французской столицы.

„Зюльмѣ не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, и она знаменитѣйшая изъ жрицъ Аполлоновыхъ, любимица Бога. Ея фиміамъ для него пріятнѣйшій, ея гимны звучнѣйшіе, ея голосъ, когда пожелаетъ того, низводитъ Бога съ Олимпа: онъ спѣшитъ украсить храмъ своимъ присутствіемъ и принимаетъ видъ смертнаго. „Изъ среды Священныхъ жрицъ выступаетъ одна (сердце мое сохранитъ ея память.) Большіе черные глаза ея блистали геніемъ, власы цвѣта эбенова падали на плеча волнистыми кудрями; черты лица не были нѣжны, но выразительны: въ нихъ было нѣчто, превышающее судьбу ея пола. Такъ изображаютъ Музу Поэзіи, Кліо, или Мельпомену. Вотъ она, вотъ она, воскликнули всѣ съ ея появленіемъ, и всѣ старались переводить дыханіе.“

„Я видѣлъ нѣкогда Пиѳію Дельфійскую, я зрѣлъ Сибиллу Кумскую — онѣ блуждали взоромъ; движенія ихъ имѣли видъ содроганія; онѣ, казалось, не столько Богомъ своимъ, сколько фуріями были обладаемы. Юная жрица, напротивъ, одушевлена безъ принужденности, вдохновенна безъ упоенія. Очарованіе ея было сво-

бодное, и въ ней все самое сверхъестественное казалось ей принадлежащимъ."

„Она стала воспѣвать Аполлона, согласуя свое пѣніе съ звуками лиры, украшенной златомъ и слоновою костью. Слова и музыка не были изготовлены: по небесному вдохновенію Поэзіи, сіявшему на лицѣ ея, по глубокому, истинному вниманію народа, видно было, что ея воображеніе творило ихъ въ одно время: нашъ слухъ, восхищенный и полный изумленія, не зналъ чему въ нихъ дивиться болѣе, легкости ли или совершенству?"

„Вскорѣ за симъ она оставила лиру, и начала бесѣдовать о великихъ истинахъ природы, о безсмертіи души, о любви къ свободѣ, о прелести и гибельности страстей.....

„Внимая ей, можно было подумать, что многія особы, многія души, многія опытности слились во едино; видя ея молодость, невольно себя спрашиваешь, какъ могла она существовать не ро-

дивишись, какъ могла она предугадать жизнь.“

„Ее слушаю, смотрю на нее съ восторгомъ, открываю въ ея чертахъ прелесть, превосходящую всякую красоту. Сколько въ лицѣ ея игры и разнообразія! сколько оттѣнокъ въ голосѣ! какое согласіе между мыслію и выраженіемъ! Она говоритъ; но если слова ея меня не достигаютъ, то изгибы голоса, движеніе, взглядъ достаточны мнѣ для уразумѣнія. Она молчитъ на минуту, и ея послѣднія слова отзываются въ моемъ сердцѣ, и я нахожу въ ея глазахъ то, чего она еще не говорила. Она совсѣмъ умолкаетъ, и храмъ потрясается отъ рукоплесканій: глава ея наклоняется съ скромностію; длинныя ея рѣсницы закрываютъ огненные глаза, и солнце для насъ закрывается.“

Такъ представляютъ Г-жу С. въ молодости. Въ слѣдующемъ возрастѣ несчастія начали тяготить ея жизнь, и не смотря на то независимость ума ея осталась таже. Во время путешествія ея по Италіи, Германіи и Англіи, люди Государственные, поэты и ученые счи-

тали особеннымъ наслажденіемъ разговоръ сей женщины. Онъ не столько отличался глубокими разсужденіями, сколько милою непринужденностію, обращаясь на предметы общіе для слушателей, и сею тайною пріятнаго остроумія — сближеніемъ предметовъ важныхъ съ обыкновенными. Г-жа С. въ сихъ дружескихъ кругахъ не только занимала собою, но и давала каждому случай показать свои достоинства: словомъ, въ бесѣдахъ ума была она самою любезною хозяйкою.

Писать и дѣйствовать, думать и говорить считается у многихъ способностями, проистекающими отъ разныхъ источниковъ. Г-жа С. не вѣрила сему раздвоенію нашей умственной природы: она говорила съ величайшею откровенностію и разговоръ ея не имѣлъ себѣ подобнаго; она дѣйствовала по тѣмъ правиламъ, кои излагала въ своихъ сочиненіяхъ, и поступки ея, всѣ безъ изъятія, несутъ на себѣ печать безпримѣрнаго великодушія. Никто не удалялся отъ нее безъ помощи, безъ утѣшенія; никто не отходилъ безъ благодарности къ ея доброму сердцу, если и не могъ наслаждаться превосходствами ума.

И такъ первое, если не ошибаемся, достоинство всѣхъ сочиненій Г-жи С. есть искренность; искренность та, которая передаетъ Читателю всѣ впечатлѣнія Автора. Это качество есть можетъ быть одно изъ важнѣйшихъ въ Авторѣ, особенно въ теперешнемъ столѣтіи, когда всѣ умы стремятся къ изобрѣтенію новаго. Безъ сего качества Монтань и Руссо не былибъ величайшими писателями Франціи. — Изобиліе мыслей также удивительно во всѣхъ твореніяхъ Г-жи С., но оно нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ предыдущаго достоинства: ибо кто видитъ хорошо и говоритъ все то, что видитъ, тотъ излагаетъ предъ нами предметы безпрестанно новые.—Глубокомысліе сей писательницы не имѣетъ предѣловъ; оно не идетъ постепенно, подобно истиннамъ Математическимъ. Нѣтъ! оно проникаетъ вдругъ на дно бездны, или возносится на высоту самую неприступную. Умъ ея не любитъ блуждать въ непроходимостяхъ: видя передъ собою цѣль, онъ избираетъ дорогу кратчайшую, но притомъ и пріятнѣйшую.

Говоря о *страстяхъ* и о вліяніи ихъ на счастіе людей, Г-жа С. убѣждала насъ недовѣрять симъ обольстителямъ жизни: въ замѣнъ того предлагала *ученіе* и *благотворительность* какъ способы обогатить бытіе человѣческое. Всѣ прочія ея творенія дышатъ утѣшительностію, которой мы не найдемъ въ прежнихъ писателяхъ ея отечества. Вообще Французы нынѣшняго столѣтія могутъ выставить Бернарденя-Сен-Піера, Шатобріана и особенно Г-жу С. съ нѣкоторою выгодою противу писателей, предшествовавшихъ революціи. Эта ужасная эпоха, какъ и всякое злополучіе личное, удобрила сердца, просвѣтила умы, и показала людямъ, что не въ гордости нашей наше счастіе.

Мы сказали выше, что Французскіе критики любили находить ошибки въ сочиненіяхъ Г-жи С. Новое слово, необыкновенное выраженіе были предметомъ ихъ насмѣшекъ и острословія: одною также изъ главнѣйшихъ причинъ недовѣрчивости, которую внушала она нѣкоторой части своихъ соотечественниковъ, было ее совершенное безпристрастіе ко всѣмъ партіямъ. По сему-то во все продолже-

ніе Наполеонова царствованія относилась она въ чувствахъ своихъ болѣе къ иностранцамъ, и нашла въ нихъ искреннихъ цѣнителей ея дарованія. — Французы по смерти сей женщины начинаютъ чувствовать истинное ея величіе; Нѣмцы уже при жизни ея воздавали ей дань удивленія. Англичане писали, что Г-жа С. геніемъ своимъ превзошла женщинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Лордъ Бейронъ говоритъ съ восторгомъ, что посреди всѣхъ превосходныхъ картинъ, представлявшихся ему на Женевскомъ озерѣ, знакомство его съ Кориною и удивленіе къ ея прелестнымъ качествамъ считалъ для себя величайшимъ блаженствомъ. Коппетъ, мѣстопребываніе Г-жи С. гдѣ остатки ея погребены возлѣ боготворимаго ею Неккера, содѣлается отнынѣ предметомъ умиленія для путешественника; отъ береговъ Невы или Темзы придетъ онъ поклониться сему праху, напоминающему собою трогательное соединеніе величія и кротости; придетъ пролить слезу благодарности къ высокому началу сего Генія; говорю Генія, ибо совокупленіе ума, чувствительности и воображенія есть безъ сомнѣнія

совершенство человѣческой природы, такъ точно, какъ соединеніе души и тѣла есть превосходство всего созданія.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 020 612 508 1